

Н. В. Кондратенко

Формирование языковой личности нового типа в результате взаимодействия политического и религиозного дискурсов (на материале текстов проповедей и выступлений Патриарха Кирилла в Украине)

Статья посвящена исследованию политического и религиозного дискурсов в их взаимодействии и взаимовлиянии. Рассмотрены такие способы реализации дискурсивной деятельности, которые обладают признаками и политического, и религиозного дискурсов. Для анализа использованы тексты проповедей и выступлений Патриарха Кирилла, который соединяет в речи данные признаки, демонстрируя тенденцию к формированию языковой личности нового типа.

Ключевые слова: дискурс, политическая коммуникация, религиозная коммуникация, языковая личность.

Современная лингвистическая наука выявляет тенденции к синкретизму и актуализации антропоцентрического фактора в исследованиях языка и речи, что обуславливает приоритетное развитие прикладных аспектов языкознания, в частности и политической лингвистики. В зарубежном языкознании проблемы политической коммуникации пребывают в центре внимания ученых уже более 20 лет (Г. Лассвелл, Э. Лассан), в русистике ведутся серьезные разработки в области языкового влияния в политике (Е. Шейгал, А. Баранов, А. Чудинов), в украинистике же это направление только начинает развиваться (Л. Масенко, К. Серажим, Л. Синельникова, А. Холод). Политической коммуникацией называют такой тип взаимодействия субъектов речи — говорящего и адресата, когда они выступают участниками политической деятельности [11: 31], а политический дискурс — это реализация политической коммуникации, в которой достаточно актуализировать хотя бы один компонент политической сферы деятельности. Исходя из этого, считаем, что к политическому дискурсу относятся не только речевые взаимодействия политиков, но и другие коммуникативные формы, связанные с политической деятельностью субъектами речи, тематикой общения, адресованностью влияния, интенциональностью коммуникации. Широкий подход к определению политического дискурса предполагает признание размытости его границ и пересечения с другими типами дискурсов, причем такое влияние является взаимонаправленным. В частности, политический дискурс сближается с религиозным дискурсом, точкой соприкосновения которых “является мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидера-Божества, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации” [12: 28]. Религиозный дискурс достаточно изучен в лингвистике (см. обзор существующих подходов к исследованию религиозного дискурса в статье И. В. Бугаевой [2]), прежде всего анализировались его риторические и жанровые аспекты, а в последнее время в центре внимания языковедов находится коммуникативный аспект религиозной коммуникации, цель которой в “приобщении к вере в рамках определенной конфессии” [3: 268]. Если ранее отмечалось влияние религиозного дискурса на политический, то сейчас можно утверждать и обратное: религиозный дискурс в определенной степени трансформируется, приобретая новые черты под влиянием разных типов дискурса, в том числе и политического. Этот процесс прослеживается в выступлениях иерарха православной церкви — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который, безусловно, является не только церковнослужителем, но и политиком. Анализ особенностей языковой личности предполагает исследование дискурсов, структура которых “выступает отражением (и выражением) особенностей языковой личности, и в том числе — ее коммуникативной компетенции” [8: 6].

Актуальность статьи. Среди актуальных проблем политической лингвистики можно назвать выявление сущностных характеристик политической коммуникации и ее основных признаков. Типологию таких характеристик и признаков еще предстоит создать, но следует отметить, что

большинство ученых называют мифологичность, ритуальность, эзотеричность, сакральность политической коммуникации, и это, несомненно, сближает ее с религиозной коммуникативной сферой. Н. Мечковская отмечает, что особое место в измерении человека и социума занимают “язык, этничность (национальность) и конфессионально-вероисповедная принадлежность” [6: 10], поэтому взаимопроникновение религиозной и политической коммуникации не случайно. Исследователи преимущественно отмечают влияние религиозного дискурса на политический, фиксируя наличие в политическом дискурсе характерных черт религиозного. А религиозный дискурс, представленный различными жанрами, статичен и закрыт: закрепленность композиции и жанровых характеристик делает его изменения минимальными на протяжении нескольких столетий. Такая традиционность практически исключает возможность влияния на него иных дискурсивных практик.

Однако новые социально-политические условия на рубеже тысячелетий диктуют необходимость диалога и сотрудничества церкви и государства, при этом религиозность высшего эшелона отечественных политиков уже имеет характер не тенденции, а своеобразной моды. Вовлечение церкви в политическую жизнь стало отличительной чертой избирательного процесса Украины, начиная с президентских выборов 2004 года. Позиционирование одного из кандидатов как будущего православного Президента и предание анафеме его политического оппонента, активное использование религиозных листовок для политической агитации, придание церковным проповедям политической окраски — это всё черты проникновения политического в религиозный дискурс. В этом случае можно было говорить об использовании церкви в интересах определенных политических сил, о новом способе политической манипуляции. Данный симбиоз оказался весьма плодотворным, и теперь можно зафиксировать адекватное взаимодействие политики и религии, в том числе и на коммуникативном уровне.

Ярким примером такого взаимодействия считаем визит Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Украину в августе 2009 года. Патриарх Кирилл проявил себя во время визита не только как высокий церковный иерарх и дальновидный политик, но и как языковая личность, реализовавшая новые тенденции религиозного дискурса.

Патриарх активно выступал во время визита в Украину перед слушателями — православными христианами, верующими иных конфессий, рядовыми слушателями. Среди 28 публичных выступлений Патриарха Кирилла следует выделить три жанровых группы — проповеди (7), публичные выступления (6) и самая многочисленная — жанр “слова” (15) [7].

Проповедь относится к традиционным жанрам религиозной коммуникации и представляет собой “истолкование священного текста” [3: 275]. Основополагающая роль проповеди в церковной жизни определяет необходимость серьезного научного подхода к ее созданию, чему посвящена гомилетика — научная теория проповеди. Особое внимание уделяется личности проповедника, потому что проповедь имеет и воспитательную цель, отличаясь назидательно-дидактическим характером. Специфика данного жанра в том, что “в проповеди есть непредсказуемость и, следовательно, риск неортодоксальности”, а целью проповеди является “донесение смысла слова Бога до сознания людей” [6: 205], поэтому текст проповеди имеет достаточно простора для реализации особенностей языковой личности ее автора. Композиционно проповедь состоит из четырех частей — вступление (введение в тему проповеди), изложение (обоснование главной мысли проповеди), нравственное приложение (практическое значение проповеди), заключение [9]. С точки зрения взаимодействия религиозного и политического дискурсов нас интересует третья часть проповеди, которая содержит поучительные элементы. Следует отметить, что именно эта часть в проповедях Патриарха более объемна по сравнению с другими структурными компонентами и содержит элементы политической риторики. Так, в проповеди в Горловском кафедральном соборе Патриарх сказал: *Здесь, на священной земле Донбасса, я не могу не сказать об отношениях России и Украины. Все это — единое пространство Святой Руси, как и Беларусь, как и многие другие страны. Мы — единый народ, вышедший из купели Киевского крещения. Существуют различия в языках, в обычаях, в темпераменте, но мы живем одними ценностями. И пока есть одни ценности, есть эта духовная общность. А если есть духовная общность, то должна быть и солидарность, и взаимная поддержка, в том числе и в трудную годину экономического кризиса.* В этом примере четко проявляется близость политического и религиозного дискурсов на сущностном уровне: суть религиозного дискурса состоит в “открытом утверждении ценно-

стей” [3: 269], а политического — в превалянии “ценностей над фактами, преобладании воздействия и оценки над информированием” [12: 44]. В приведенном примере фатика превалярует над информативностью, причем эмоциональный компонент в речи усиливает аксиологический аспект речи, нивелируя информативность. Кроме того, следует обратить внимание на стилистику приведенного речевого фрагмента: в нем доминирует такой стилистический прием, как эпанафора — каждый последующий фрагмент текста начинается конструкцией, которой закончился предыдущий. Такие повторы имеют характер лейтмотивов: дважды повторяющиеся словосочетания *одни ценности, духовная общность* концентрируют внимание слушателей на этих конструкциях, состоящих из слов с диффузной семантикой, а этот параметр характерен именно для политического дискурса [4: 233]. Подобная стилистическая организация текстов проповеди Патриарха частотна и выявляет особенности языковой личности, напр.: *Еще недавно этим идолом была человеческая идея, которая была соединена с политической практикой. Такое соединение идеи с политической практикой мы называем идеологией. Та идеология сформировала свои ценности, создала своих идолов. Ведь идол — это рукотворный бог, который физически делается человеческими руками, и тогда появляются истуканы, которым поклоняются несчастные ослепленные люди* (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла за Божественной литургией в Херсонесе). Использование традиционных приемов религиозной риторики, в частности на уровне организации текстового пространства, для создания текста с ярко выраженной идеологической нагрузкой — отличительная черта проповедей патриарха Кирилла. Тут нецелесообразно говорить о проникновении черт политического дискурса в религиозный — или наоборот, — на наш взгляд, это органическое взаимодействие двух типов дискурсов.

Религиозная риторика, призванная влиять на сознание и подсознание слушателей через устную речь проповедников, заимствовала ораторские приемы из древнего античного искусства красноречия. Но со временем эти приемы наполнились новым содержанием: появление политического подтекста в религиозной проповеди воспринимается реципиентами в одной тональности с провозглашением этических норм и правил, а потому подобные политические высказывания проходят некритично. Так, в проповеди Святейшего Патриарха в Николо-Васильевском монастыре в Донецкой области содержится такой текстовый фрагмент: *Если человек живет с Богом, он ни на минуту не забывает, что Бог рядом. И это приводит к тому, что останавливается тот человек, когда, например, хочет произнести плохое слово, останавливается, когда задумал плохое дело. Потому что Бог-то совсем рядом, он все видит. Это ближнего своего можно обмануть — мужа, жену, брата, сестру, коллег по работе, начальников и подчиненных. Можно даже целый народ обманывать. Бога обмануть невозможно.* В приведенном примере в текст проповеди вплетен тезис о том, что является основой критики любой политической силы, — обман властью народа, при этом воспринимается этот тезис не как идеологический, а как этический, потому что он подкреплен противопоставлением божественного и земного, что характерно для религиозной риторики.

Мир человеческий, греховный и мир божественный, идеальный — семантический центр религиозных текстов, представленный дуально: антитетичность этих миров манифестирует соответствующее построение текста. Эта антитетичность центрирует религиозный текст, являясь его главной содержательной осью, а соединение двух составляющих человеческой природы — земной и божественной — создает своеобразие религиозной риторики, напр.: *Сочетание веры и труда, сочетание неба и земли, сочетание духовного вертикального измерения жизни и горизонтального измерения нашей повседневности, образуя крест, указывает человеку, обществу, народам, государствам, всему миру путь, по которому нужно идти* (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Почаевской иконы пресвятой Богородицы).

В той части проповеди, которую называют нравственным приложением, содержатся практическая ценность текста, связь выдвинутых нравоучений с реальной жизнью слушателей. И если в традиционной проповеди проповедники опираются на конкретный бытовой опыт слушателей, демонстрируют пути применения проповеднических положений в повседневной жизни, то Патриарх Кирилл зачастую ориентирует своих слушателей на глобальные проблемы политического характера, напр.: *Беды и разделения всегда проистекают от лозунгов, которые призывают нас к счастливой жизни. Не кровью ли умылся наш народ, когда в страшные годы революции соблазнился этими лозунгами и поверил, что можно построить счастливую, процветающую, мирную жизнь без*

Бога и без любви? Миллионы людей погибли, а эта мечта не была осуществлена. Ей не дано было осуществиться, потому что в основе этого политического мечтания были злоба, противоборство, стремление достичь своих целей, одурачивая людей призывами к счастью (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в Успенской Киево-Печерской лавре за богослужением в день памяти святого равноапостольного князя Владимира). Именно в той части проповеди, которая содержит прагматический компонент нравоучительного характера, в речи Патриарха наблюдается синтез религиозного и политического дискурсов.

Самой многочисленной группой анализируемых текстов являются относящиеся к жанру “слова”, который в данном случае понимаем как разновидность проповеди. Данный жанр известен с IV в. и трактуется как “такая форма церковной проповеди, в которой какая-либо тема исследуется и раскрывается с наибольшей полнотой и последовательностью. Внутреннее единство содержания, строгая логичность в развитии мыслей, художественность речи являются его отличительными признаками” [7]. “Слова”, произнесенные Патриархом Кириллом во время визита в Украину, отличаются большим объемом по сравнению с проповедями, расширенной тематикой, подчеркнутой риторичностью. Традиционно “слова” произносятся в торжественные дни церковных праздников, поэтому они отличаются особой возвышенной стилистикой: *Мы должны быть вечно благодарны Крестителю Руси за сделанный им судьбоносный выбор: принятие святой православной веры, которая стала бесценным сокровищем народа* (Слово Патриарха Кирилла после молебна на Владимирской горке в Киеве). Исследователи жанровых разновидностей проповеди отмечают синтетичность речи “слова”, что отображается в соединении художественного и “богословско-абстрактного” начал, а также апелляцию к интеллектуальному, образованному реципиенту [5: 11–12]. “Слова” Патриарха Кирилла отличаются тематическим разнообразием, причем тематика не всегда определяется конкретными датами и не связана с церковными праздниками. Анализируемые “слова” зачастую посвящены актуальным социальным и политическим темам, а религиозный элемент иногда отступает в них на второй план: *История показывает, что еще ни одна человеческая мечта, ни одна политическая или национальная идея за две тысячи лет существования христианства не была достигнута и реализована через разделение Тела Христова. Там, где разделение, — проливается кровь, теряется энергия, утрачивается единство и появляется дробность на месте целостности; там теряется способность достигать целей, поставленных перед народом, перед нацией и перед государством, потому что разделенные в самом главном и святом люди становятся неспособными объединиться в том числе и вокруг политических лозунгов и политических программ* (Слово Патриарха Кирилла в Успенской Святогорской Лавре). Такой текст вполне органичен и для выступления любого политического лидера, который апеллирует к нравственным устоям слушателей, поэтому некоторые фрагменты речей Патриарха воспринимаются не столько как религиозные проповеди, сколько как политические выступления. Однако жанр слова-проповеди, который имеет четко выраженные хронопические и композиционные характеристики, наполняясь новым содержанием, использует установку слушателей на восприятие религиозного текста. Такой текст имеет правополушарную ориентацию, проявляющуюся “на уровне смысла, неотделимого от формы” [10: 64], и предполагает актуализацию суггестивной составляющей языка. “Застывшая” жанровая форма религиозной коммуникации наполняется элементами нового, нетрадиционного содержания, но продолжает оставаться способом “вербальной мифологизации” (И. Черепанова) сознания реципиентов.

Воздействие религиозного текста обусловлено одновременным действием языковых единиц всех уровней языка. На фонологическом уровне следует обратить внимание на фонетические особенности произнесения слов и интонацию. В религиозной речи отдается предпочтение церковнославянской фонологии, в результате чего текст изобилует такими словами, как *дьявол, божье слово, братия, сестры*, однако в речи Патриарха Кирилла подобных архаических особенностей немного, он преимущественно использует современные фонетические формы слов. А интонационное моделирование звучащей речи является принципиальным фактором его восприятия слушателями, что выражается в повышении и понижении тона, смене повествовательной и вопросительной интонации высказываний, выделении фразовыми ударениями наиболее значимых сегментов речи.

В большей степени архаические черты, свойственные религиозным текстам, фиксируем на лексическом уровне, напр., *лепта, разумение, обитель, насельник, купель, крещальный, досто-*

читимый, упование и др. Такие слова традиционны для религиозной коммуникации, однако ориентация на образованных слушателей в жанре “слова” обуславливает и появление лексических инноваций, несвойственных религиозному дискурсу: в “словах” Патриарха Кирилла находим такие выражения: *проблемы военных блоков, экономический кризис, рейды милиции, компенсировать потерю, природные катаклизмы, политические предпочтения, информационная эпоха* и др. Такая лексика характерна для политической коммуникации, но никак не для религиозной. Сочетание в речи Патриарха этих двух групп лексики можно расценивать как подачу противоречивых сигналов: первая группа соответствует информационным ожиданиям аудитории, а вторая — нет, но именно по этой причине привлекает повышенное внимание слушателей. Крайней реализацией данного принципа можно считать появление в речи отдельных фраз, построенных на “диссонирующей” лексике, напр.: *Бог обещал нам захватывающую перспективу бытия*. Создание подобных текстовых фрагментов уже предполагает макроструктурное варьирование, реализуемое на синтаксическом и стилистическом уровнях текста. Однако, по мнению А. Н. Баранова, речевое воздействие, прежде всего, основано “не на уровневой модели языка, а на когнитивных процедурах преобразования знания, приводящих к его передаче в речевом акте и введении в модель мира адресата” [1: 224]. Так, Патриарх Кирилл в “Слове после возложения цветов к мемориалу жертвам массового голода” для достижения этой цели использует такой прием: *Мне хотелось бы особенно ясно сказать сейчас всем, у кого, может быть, возникают сомнения по поводу правомерности моего присутствия на этом месте: мы вспоминаем жертв голода — того самого голода 1932–1933 годов, который лично ко мне имел непосредственное отношение*. И далее Патриарх рассказывает историю своей семьи, пережившей голод в 30-х годах. Такой ход можно расценивать, как рапорт — ключевой принцип в нейролингвистическом программировании, который предполагает достижение максимального доверия между говорящими. Если в проповеди доверие между проповедником и аудиторией предопределено коммуникативной ситуацией, то при произнесении “слова” в определенных ситуациях необходимо устанавливать контакт с разноплановой и не всегда подготовленной аудиторией. Патриарх Кирилл всегда достигает нужного эффекта, демонстрируя особенность языковой личности, которая предполагает актуализацию тех составляющих картины мира адресата, что могут выполнять функцию “якорей”, вербальных стимулов, позволяющих “перенести свой прежний опыт в настоящее и пережить то же психологическое состояние” [1: 233]: *Я бы хотел передать благословение всем жителям Донбасса, а особенно шахтерам. В жизни мне приходилось спускаться в шахты. Это было на Шпицбергене. И когда я вышел из шахты на поверхность, то сам себе сказал, что труд шахтера, наверное, один из самых тяжелых, которые есть на земле. Но вместе с тем это такой нужный труд* (Слово Патриарха Кирилла по прибытии в Донбасс). Достижение рапорта и использование “якорей” характеризует любой текст, основной задачей которого является влияние, воздействие на реципиента, — это главная задача и религиозного, и политического дискурсов.

Последняя группа анализируемых текстов, немногочисленная, состоит из выступлений Патриарха Кирилла перед журналистами — прямые эфиры, встречи с представителями СМИ, интервью, темой которых был пасторский визит в Украину. Данная группа текстов наименее клиширована и не ограничена жанровыми, композиционными или стилистическими рамками, как предыдущие (проповедь — в большей степени, “слово” — в меньшей). И хотя рассмотренные ранее тексты также имели устную форму и произносились без письменного подстрочника, все же они не исключали возможность заблаговременной подготовки. Тексты выступлений же являются спонтанными, неподготовленными, имеют устную форму, преимущественно диалогическую, поэтому демонстрируют все традиционно выделяемые уровни языковой личности — вербально-семантический, когнитивный и прагматический (Ю. Н. Караулов).

Именно в текстах публичных выступлений Патриарха можно найти ярко выраженные черты политического дискурса. Помимо тех особенностей, которые объединяют политический и религиозный дискурсы (ритуальность, мифологичность, эзотеричность, фидеистичность) следует отметить такой конструктивный признак, как диалогичность. Е. И. Шейгал противопоставляет политический и религиозный дискурсы на основе этого признака, считая, что “политический дискурс, так же, как бытовой и научный, в отличие от религиозного и философского дискурса, не является монологичным по определению” [12: 62]. Именно монологичность религиозного дискурса исключает его театрализацию и агональность как существенные характеристики,

но в речевому поведінні Патріарха Кирилла, крім схованої діалогічності як риторического приєма, ми бачимо установку на діалогічне взаємодія з аудиторією: *Откуда же пошла Русь? Она пошла отсюда, с киевских холмов. Здесь начало **нашей** веры, **нашей** Церкви, здесь начало государственности, из которой потом возникли государственности самостоятельных образований. Здесь **наше** историческое прошлое, и, может быть, я кого-то удивлю, но в каком-то смысле здесь во многом будет решаться и **наше** будущее* (Выступление в прямом эфире телеканала “Интер”). В этом фрагменте также следует отметить характерное для политического дискурса употребление говорящим местоимений *мы, наше*, что объединяет его с аудиторией, создает общее коммуникативное пространство.

Если в текстах проповедей и слов мы отмечали взаимопроникновение политического и религиозного дискурсов, то в публичных выступлениях Патріарха Кирилла следует говорить о доминировании черт политической коммуникации. Главное отличие заключается в том, что в религиозном дискурсе говорящий высказывается не от собственного имени, а от имени Бога и Священного Писания, чем вызваны строгая композиция речи, определенная стилистика и архаика языка. В политическом дискурсе реализуется языковая личность говорящего, он высказывается от собственного имени, пытаясь воздействовать на слушателей: *Чтение современных философских текстов **убедило меня** в том, что именно так постмодернистская цивилизация представляет себе проблему добра и зла. Нет добра и зла, а есть плюрализм мнений. А если исчезает различие между добром и злом, то это уже апокалипсис* (Выступление в Киево-Печерской Лавре). Элемент речевого воздействия объединяет политическую и религиозную коммуникацию, но в данном случае представлено и субъективное начало, поэтому доминируют не общие этические нормы и правила, как в религиозном дискурсе, а личностные ценности и ориентиры, в общих чертах совпадающие с общенравственными: *Нужно оставаться самим собой. **Я** готов разговаривать с молодежью, но **я** не сниму для этого рясу и не оденусь так, как вы сейчас одеты. Не потому, что у **меня** есть какие-то предрассудки в отношении такой одежды. А потому что это **моя** культура, **я** ее носитель* (Выступление в прямом эфире телеканала “Интер”). Именно в публичных выступлениях Патриарх реализует себя как политик: затрагивает не только этические, но и политические темы в разговоре; дает оценки политическим лидерам и событиям; определяет ценностные ориентиры слушателей в политической плоскости.

Кроме того, следует отметить расширение тематического спектра речи в выступлениях Патриарха, который одинаково глубоко рассуждает о политике, религии, экономике, рекламе, демонстрируя свою коммуникативную компетенцию: *Какое колоссальное влияние сегодня оказывает на человека реклама, мода. Вот ездит человек на машине спокойно. И вдруг появляется новая модель автомобиля. И со следующего дня уже не может в машину садиться: “Ну, не там же молдинги поставлены, не могу — надо машину сменить”* (Выступление в прямом эфире телеканала “Интер”). Использование в речи лексических неологизмов и оперирование новыми научными понятиями характеризует высокоинтеллектуальную языковую личность, а ориентация Патриарха в проблемах, тематически совершенно не связанных с религиозной жизнью, свидетельствует о коммуникативной компетенции и кругозоре говорящего.

Нарушение традиционных представлений о языковой личности священнослужителя подчеркивается в выступлениях Патриарха Кирилла использованием специфических аналогий, напр.: *Что же касается политических выборов — ну что же, как я уже неоднократно говорил, **кто-то любит кофе пить с молоком, кто-то — со сливками, кто-то любит с сахаром, кто-то без сахара. Политические ценности имеют надстроечный характер; базисные ценности сохраняет Церковь*** (Интервью Патриарха Кирилла по прибытии в Москву). Религиозное мышление аналогично по сути: каждое событие, которое становится предметом описания или характеристики, подается в параллели с примером из Священного Писания. Преимущественно примерами выступают библейские притчи, они и являются аналогиями, своеобразными руководствами к действию. Патриарх же использует аналогии иного типа, не связанные с религиозной практикой, но понятные и близкие всем слушателям. Таким образом, реализуя традиционный прием религиозной риторики, говорящий переносит его в новое коммуникативное измерение.

Такой синкретизм религиозной риторики с тематикой и приемами влияния, характерными для политического дискурса, позволяет говорить о появлении языковой личности нового типа — личности, которая не только реализует одновременно черты религиозного и политиче-

ского дискурсов, а демонстрирует новый тип коммуникативной компетенции. Условно говоря, можно назвать такой тип языковой личности “политиком от религии”, потому что реализуются в речи Патриарха все же политические установки и установки влияния, но функционально они базируются на принципах религиозной коммуникации.

Подобное коммуникативное поведение высшего иерарха православной церкви нельзя расценивать как проявление индивидуальных речевых особенностей, потому что Патриарх является примером как для церковнослужителей, так и для всех прихожан. По этой причине речь Патриарха также выступает образцом для наследования и подражания, а мотивационные установки его языковой личности имеют надличностный характер. Именно данный факт позволяет говорить о возникновении тенденции к взаимовлиянию политического и религиозного дискурса, проявляющейся в языковой личности Патриарха в наивысшей степени.

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 360 с.
2. Бугаева И. В. Религиозная коммуникация [Электронный ресурс] // <http://www.portal-slovo.ru/philology/39040.php>
3. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
4. Ковалевська Т. Ю. Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування. — Одеса: Астропринт, 2008. — 324 с.
5. Кот С. О. Дискурсний аналіз проповіді як морально-духовного жанру словесності (на матеріалі православної Різдвяної проповіді). Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.02. — К., 2006. — 20 с.
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий. — М.: Фаир, 1998. — 352 с.
7. Преосвященнейший Феодосий (Бильченко). Гомилетика. Теория церковной проповеди // Труды Минской духовной академии. — 2003. — № 2. [Электронный ресурс] // http://minds.by/academy/trudy/2/tr2_2.html.
8. Седов К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.
9. Тексты проповедей и выступлений Патриарха Кирилла во время визита в Украину в 2009 году [Электронный ресурс] // <http://patriarh.in.ua>.
10. Черепанова И. Дом колдуны: Язык творческого бессознательного. — М.: КСП+, 2001. — 400 с.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта, Наука, 2007. — 256 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.

N. V. Kondratenko

SHAPING OF THE NEW TYPE OF LANGUAGE PERSONALITY AS A RESULT OF INTERACTION OF POLITICAL AND RELIGIOUS DISCOURSES (ON TEXT MATERIAL OF SERMONS AND APPEARANCES OF THE PATRIARCH KIRILL IN THE UKRAINE)

The article is dedicated to the study of political and religious discourses in their interaction. The author considers the ways of discursive activity realization, which possesses the sign of political, and religious discourses. For analysis the texts of the sermons and appearances of the Patriarch Kirill are used. He connects the given signs in speech, demonstrating the tendency to forming of the new type of language personality.

Key words: discourse, political communication, religious communication, language personality.

Н. В. Кондратенко

ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ НОВОГО ТИПУ ВНАСЛІДОК ВЗАЄМОДІЇ ПОЛІТИЧНОГО І РЕЛІГІЙНОГО ДИСКУРСІВ (НА МАТЕРІАЛІ ТЕКСТІВ ПРОПОВІДЕЙ І ВИСТУПІВ ПАТРІАРХА КИРИЛА В УКРАЇНІ).

Статтю присвячено дослідженню політичного і релігійного дискурсів та їх взаємодії й взаємовпливу. Розглянуто такі засоби реалізації дискурсивної діяльності, що мають ознаки і політичного, і релігійного дискурсів. Для аналізу було використано тексти проповідей і виступів Патріарха Кирила, який поєднує в мовленні ці ознаки, демонструючи тенденцію до формування мовної особистості нового типу.

Ключові слова: дискурс, політична комунікація, релігійна комунікація, мовна особистість.